

— А ну-ка, Цю-гэр, отрежь мне вот отсюда. Взвесь цзиней пять! — Тетушка Цзиньхуа сияла, глядя на жирную кабанятину. В дворике стоял невообразимый шум.

Хотя все знали, что мясо дикого кабана, если его не кастрировать, отдает специфическим запахом, деревенские жители были не из привередливых. К тому же теперь многие переняли у Вэй Цю хитрости: как убирать лишние запахи при готовке.

Но даже если бы и не умели — когда речь идет о том, чтобы напитать семью сытным и жирным мясом, кому какое дело до запаха? В голодные годы, когда не было зерна, люди и кору с деревьев грызли, и корни ели, лишь бы выжить.

А теперь времена настали хорошие! Скоро страда, работы в поле будет невпроворот, а тут такая удача — кусок жирного мяса всего по десять монет за цзинь. Купишь такой домой — и вся семья, от мала до велика, устроит себе пир, да и мужикам сил прибавится...

Люди были в прекрасном расположении духа: кто-то брал побольше, кто-то поменьше, и гора мяса на глазах начала таять.

— Цю-гэр, а кости почем отдашь? — одна из женщин подняла массивную сахарную косточку.

Вэй Цю с улыбкой ответил: — Если возьмете, тетушка, то по четыре монеты за цзинь.

Женщина довольно кивнула: цена была вдвое ниже рыночной.

— Взвесь-ка мне вон ту!

Юнь-нян ловко подхватила кость и бросила на весы, а Вэй Цю подсчитывал сдачу и принимал медяки. Работа спорилась в их руках. Сзади напирала другая женщина, наперебой присматривая себе кусочки получше.

— Цю-гэр, отрежь мне тот край, где жирка побольше, дома масло вытоплю.

— А мне вот этот, где мясо с прослойкой. Мой малец слишком жирное не жалуется.

— Ой, да мальчишкам-то как раз мясо и нужно, чтоб росли крепкими да здоровыми!

— И не говорите, смотреть больно, как он ест, одни расстройства! — тетушка Лю сокрушенно покачала головой.

Разговор завязался сам собой: женщины и фуланы принялись обсуждать детей — у кого растет быстрее, у кого крепче. А вдоволь наговорившись о малышнях, они вдруг переключились на Вэй Цю и Юнь-нян, принявшись подшучивать и подгонять их: мол, пора бы и вам о своих детках подумать!

От этих разговоров Вэй Цю так смутился, что даже не сразу сообразил, куда нож пристроить. Юнь-нян рядом тоже густо покраснела...

В этот момент сквозь толпу, задрвав нос, протиснулась незнакомая молодая женщина и с размаху бросила на прилавок слиток серебра: — Отрежь мне десять цзиней.

Серебро... Со звонким «дон» кусочек закрутился на деревянной плахе. Вэй Цю перестал улыбаться и поднял взгляд на гостью.

Перед ним стояла женщина в вызывающем наряде: в волосах розовый шелковый цветок,

прическа замужней дамы, лицо густо напудрено и подкрашено, а на запястье — два тонких серебряных браслета. Совсем не похоже на облик деревенской труженицы.

Вэй Цю невольно сморщил нос — от резкого запаха дешевых румян у него заломило в висках. Но не успел он и слова сказать, как стоявшие в очереди женщины накинудились на нахалку:

— Эй! Ты чего лезешь? Иди в конец очереди! Мы тут раньше тебя стоим, а ты вперед всех выскочила!

— И то верно, мы все из одной деревни, стоим по порядку. С чего это ты решила, что тебе закон не писан?

Линь Цао окинул гостью взглядом и язвительно добавил: — Разоделась-то как, павлиниха... Видать, совесть под слоем белил спрятала?

— Вы о ком это?! Сговорились, значит, толпой одну обижать? — женщина вздрогнула от напора, но отступить не собиралась.

— Кому ты сдалась, обижать тебя. Если бы не лезла без очереди, никто бы на тебя и не взглянул, — отрезали женщины.

— Да не обращайтесь на неё внимания! — Тетушка Лю толкнула соседку локтем. — Только время тратит. Эй... забирай свое серебро и иди в хвост, если мясо нужно.

— А это кто вообще? — шепотом спросил Вэй Цю у Юнь-нян.

Та коротко и сухо бросила два слова: — Из Чэнов.

«О-о...» — Вэй Цю понимающе усмехнулся. Значит, это жена Чэн Гуанцзуна. Не зря говорят: муж и жена — одна сатана, гонор у неё был точь-в-точь как у родственничков.

Деревенские кумушки, которых та попыталась обойти, не собирались терпеть её капризов и вдоволь поупражнялись в острословии. Мол, раз уж вышла замуж в деревню, нечего задирать нос перед соседями. Все на земле работают, никто никого не выше, перед кем она тут из себя благородную строит?

А дело было так: утром, после скандала в доме Чэнов, соседка из дома Ван прибежала к Цянь Цуйпин посплетничать — мол, Вэй Цю продает кабанятину по дешевке. Спросила из чистого любопытства: «Брать будете? Такой цены больше не сыщете».

Услышав, что «этот недомерок» Шинань завалил огромного кабана и теперь чуть ли не даром раздает мясо всей деревне, Цянь-ши едва не захлебнулась желчью. Это же живые деньги!

Когда соседка ушла, бабка Чэн тоже принялась костерить «нечестивца» за то, что кормит чужих людей, забыв о родной крови. Рассудив, что добро пропадает зря, старуха велела Цянь-ши пойти и потребовать у Вэй Цю половину мяса бесплатно — дескать, любимому внуку силы нужны.

Цянь-ши злилась, но идти не хотела. После того как в прошлый раз Вэй Цю чуть не обрил ей голову ножом, она его панически боялась.

Поэтому она решила отправить невестку: — Ты же хотела на обед чего-нибудь особенного? Там у подножия горы кабанятину продают за копейки, походи купи пару цзиней.

Сун-ши (невестка) взглянула на мужа, но тот промолчал.

— А деньги?

— Деньги! — взвизгнула Цянь-ши. — Ты мясо жрать хочешь или я? Сама и плати! Неужто десяти монет не наскребешь?

Сун-ши привыкла жить на широкую ногу и не сразу поверила: — Так дешево?

Цянь-ши нетерпеливо прикрикнула: — Да иди уже, а то всё разберут!

Гуанцзун, который с утра был не в духе из-за выходок матери, понял, что если не купить мясо, покоя в доме не будет. К тому же он и сам соскучился по жирненькому. Он кивнул жене, и та, фыркнув, отправилась в путь.

Оказавшись на месте, Сун-ши выслушала кучу колкостей от деревенских и, едва сдерживая ярость, стала ждать. Когда подошла её очередь, Вэй Цю спросил, какой кусок ей отрезать. Она безглаголиво сморщила нос и указала пальцем.

Вэй Цю быстро отхватил кусок: — Пять цзиней. Пятьдесят монет.

Сун-ши, выждав паузу, возмутилась: — Я же сказала — десять цзиней! Отрежь еще пять. — Она решила, что по такой цене купит побольше и отправит часть в родительский дом.

Вэй Цю отложил нож и лениво произнес: — Больше не отрежу. Каждому — не больше пяти цзиней. Если ты заберешь всё, что остальным достанется?

— Ты... Гляди, какая гора мяса еще лежит! Отрежь и всё тут! — начала капризничать Сун-ши.

Вэй Цю вытер руки, даже не взглянув на неё: — Кто следующий? Смотрите, какой отличный кусочек грудинки остался!

— Ой, давай я посмотрю! — Несколько крупных тетушек и фуланов, поняв намек Вэй Цю, тут же оттеснили Сун-ши от прилавка.

Та, сжимая в руках свои пять цзиней, попрыгала от злости, но пробиться обратно не смогла.

В этот момент к прилавку подошел чумазый мальчишка и тихо пробормотал: — Фулан Цю, можно мне... Я куплю.

Мальчик долго ждал в сторонке и теперь осторожно вытащил из-за пазухи тряпицу, в которую были завернуты медные монетки. Вэй Цю улыбнулся и похлопал его по плечу.

Он помнил этого ребенка — его звали Тешэн. Сирота, родители умерли, жил с дедом, перебиваясь урожаем с двух крошечных участков земли.

Вэй Цю помнил, как в прошлом году, когда дядя Цянь привозил сладости, он просил Дань-даня угостить тех детей, что издалека завистливо смотрели на лакомства. Среди них был и Тешэн. А через пару дней мальчишка в благодарность притащил Вэй Цю охапку дров.

Тешэн протянул монетки: — Фулан Цю, этого хватит?

Вэй Цю с улыбкой взял всего пять медяков, обвязал мясо и подал ему: — Хватит вполне!

Все присутствующие сразу поняли жест Вэй Цю. В том куске было не меньше полутора цзиней, а взял он всего пять монет — добрая душа! Тешэн, сияя от счастья, поблагодарил Вэй Цю и, подхватив добычу, припустил домой.

Сун-ши, на которую так никто и не обратил внимания, топнула ногой и в ярости ушла.

— Ну, наконец-то убралась! — Женщины облегченно вздохнули.

— Словно воздух чище стал.

— И чего приперлась, спрашивается...

— Да понятно чего: Чэны сами носа показать боятся, совесть-то нечиста, вот и заслали новую невестку на разведку.

— Боятся, что Цю-гэр их поганой метлой со двора выставит! Гляньте на Чэн Пинъаня с женой — те люди умные, даже не сунулись!

Пока кумушки перемывали кости семейству Чэн, Вэй Цю, посмеиваясь, продолжал работать. К полудню двор опустел — всё мясо раскупили. Даже из соседних деревень люди успели прибежать.

Вэй Цю приготовил обед, и вскоре вернулся Шинань. Напоив мужа водой и усадив умыться, Вэй Цю спросил: — Ну как? Удачно продали?

Шинань сиял: — Повезло не то слово! Сегодня в «Цичжэньсюань» как раз хозяин был. Оказывается, завтра у их старого господина юбилей — семьдесят лет! Они не только желудок за большие деньги забрали, но и пятьдесят цзиней мяса прихватили, и голову в придачу! Фазанов и кроликов тоже всех сдали. Итого за всё вышло двести шестьдесят лянов серебра!

— Ого... так много? — Вэй Цю знал, что кабаньей желудок ценится, но не думал, что настолько.

В его прежнем мире настоящий дикий желудок с наростами-«дин» стоил тысячи, а то и десятки тысяч — вещь редкая и дорогая, которую часто подделывают.

Шинань достал банковский билет на сто лянов и еще шестьдесят лянов звонким серебром, протягивая их Вэй Цю. Тот дрожащими руками принял деньги.

В голове билась только одна мысль: «Мы сказочно богаты!!!»

<http://bllate.org/book/17091/1600515>